

раздоры внутри основываемых ею «союзов», а в том, чтобы всеми зависящими от нас средствами освещать тот путь, на который теперь непременно должны выступить все сознательные российские рабочие и который в общих чертах был указан революционному пролетариату всех стран еще *Марксом и Энгельсом*. И эту обязанность мы сумеем исполнить, несмотря на все нелепые обвинения и заподозривания. Забывать о ней теперь значит, — в полном смысле этого энергичного выражения, — *позорить гражданина сан!*

Крепко жму руку.
Ваш *Г. Плеханов*

Ответ тов. Лядову¹

Почтеннейший товарищ! Мой ответ Вам будет краток.

Прежде всего я поставлю Вам на вид, что Ваше письмо написано странным и, — при данных обстоятельствах очень смешным, — тоном того *допроса*, который в Вашей старой юридической практике назывался *допросом с пристрастием*. Я решительно не знаю, что дает Вам право говорить со мной таким тоном. Неужели те два обстоятельства, что Вы — член партии и что Вы голосовали за меня на втором съезде? Но подумайте немного, — если только Ваше очевидное раздражение не совсем лишило Вас склонности к размышлению, — и Вы сами поймете, что этих обстоятельств еще недостаточно для того, чтобы позволить Вам *допрашивать* меня так, как Вы вздумали допрашивать.

Когда в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии восторжествует, — если восторжествует, — та политика, которую я называю политикой *мертвой петли, туго затягиваемой на ее шее*, тогда Ваш странный и смешной тон, — считающийся теперь *устарелым* даже в российских правительственных канцеляриях, — может быть, и станет общепринятым в сношениях членов партии с ее литераторами, которые к тому времени будут, вероятно, переименованы в «партийных сочинителей». Но это мне все равно, потому что тогда я, конечно, уже не останусь ни в редакции, ни в партии.

Теперь же, когда еще не наступило такое время, — которое было бы временем унижения и стыда для нашей партии, — и когда еще очень позволительно усомниться в том, что оно наступит, теперь Вы, почтеннейший, обязаны вести себя прилично и помнить, что тон *допроса с пристрастием* и непозволителен, и нецелесообразен, ибо напугать меня или кого-нибудь из остальных редакторов «Искры» не так легко, как это Вы, по-видимому, воображаете. Значит, Вы только даром ставите себя в нелепо-смешное и смешно-нелепое положение.

Что касается собственно Ваших *допросных пунктов*, то я, не служащий дворянин Тамбовской губернии, Георгий Валентинов сын Плеханов, у исповеди и святого причастия очень давно уже не бывавший, не токмо за страх, но и за совесть отвечаю.

По пункту насчет моих будто бы «намеков» на Ленина:

Я не требовал, чтобы ЦК лишил его *доверия*, и решительно не знаю, почему таковая на меня, с Вашей стороны, ябеда. Я только полагал и полагаю, что *если ЦК не одобряет* политики Ленина, то ему надо лишить этого товарища тех *полномочий*, которые даны ему *как заграничному представителю этого учреждения*, и назначить другого уполномоченного, лучше выражающего его, Центрального Комитета, стремления и намерения. Вот только и всего. Это так просто, что даже советник Иванов, не вмещающий ничего пространного, поймет это без особенного напряжения ума. И если это непонятно советнику, виноват — товарищу Лядову, то это объясняется тем особым настроением, в котором находится он и, если я не ошибаюсь, довольно значительная часть наших «твердых» товарищей. Они чувствуют, что *логическими доводами* им защищать свою позицию невозможно, поэтому они спешат обижаться. В направлении болезненной обидчивости они идут так быстро, что скоро догонят наших социалистов-реакционеров, которые, как известно, начинают кричать, что их обидели, всякий раз, когда попадают в затруднительное положение. То, что прилично социалисту-реакционеру, то неприлично социал-демократу, у которого не должно быть ничего, кроме холодного презрения к этой жалкой роли *высеченных прекрасных душ*, как выразился однажды Маркс в одном своем полемическом произведении.

Если в той или другой из моих статей было или будет что-либо обидное для Ленина, то он сам может вступить в объяснение со мною, и я не откажусь дать ему гласный ответ насчет тех выражений, в ко-

торых я говорю о нем, в надежде, что и он не откажется печатно объяснить насчет тех выражений, в которых он говорит о товарищах П. Аксельроде, В. Засулич и других заслуженных членах нашей партии. Я думаю, что *ходатаи по делам* Ленину не нужны, и потому с советником Лядовым ни в какие разговоры о нем вступать не желаю.

Пункт второй.

Что касается деятельности Центрального Комитета и его заграничных представителей, то я говорил о ней в обращении к этому Комитету и считаю себя обязанным объяснить на этот счет именно с ним, а не с кем-либо другим, хотя бы этот другой и подавал за меня голос на втором съезде партии. Если ЦК угодно публично объясняться со мной по этому поводу, *то я готов*; и тут товарищ Лядов не ошибается: данных у меня достаточно. Но прежде, чем я скажу что-нибудь на этот счет, нужно, чтобы заговорил сам ЦК, а не какой-то ходатай по делам, хотя бы и очень способный допрашивать с пристрастием. Но если ЦК пожелает публично объясняться со мною, то он, разумеется, — по требованиям логики и по долгу вежливости, — не откажется предварительно ответить на тот вопрос, который я гласно поставил ему в № 66 «Искры». Я думаю, что письмо товарища Лядова послужит нашему ЦК лишним побуждением для ответа мне на указанный вопрос, и с этой стороны полагаю, что письмо этого товарища принесет пользу нашему общему-делу, несмотря на то, что оно написано тоном, гораздо более приличным какому-нибудь сутяге из числа персонажей Островского, чем социал-демократу.

Теперь молчание ЦК становится все более и более невозможным.

Третий допросный пункт гласит: «Какие это неразумные подвиги тов. Ленина, — наиболее якобы последовательного, по Вашим словам, носителя принципов этой политики, — заставили Вас припомнить слова некрасовского князя Ивана о министерском стуле и глупостях, наделанных на нем?»

Я отдаю должную дань тому казенно-угрожающему «штилю», коим написан сей допросный пункт, и невольно восклицаю опять с Некрасовым²:

Когда б я слог такой имел!

Я думаю, кроме того, что тов. Лядов едва ли поступил тактично, напомнив Ленину о тех некрасовских стихах, которые вспомнились

мне по поводу его деятельности. Это напоминание покажет лишний раз Ленину, что хотя услуга нам, при нужде, дорога, но за нее не всяк умеет взяться.

Но по существу сего пункта имею честь поставить Вашему Высокоблагородию на вид то самое соображение, кое уже высказано было мною в ответ на допросный пункт номер первый: если я незаслуженно обидел Ленина, то я готов объясниться с ним, но не считаю нужным тратить время на объяснения с его ходатаем по делам, тем более, что мне неизвестно, имеет ли оный ходатай доверенность, засвидетельствованную установленным в законе нотариальным порядком.

После всего сказанного мною я могу спокойно предоставить читателю судить о том, нарушаю ли я партийный долг, отказываясь отвечать по существу на допросные пункты, предъявленные мне товарищем Лядовым.

Еще два слова. Против выбора старой редакции я на съезде не голосовал, да и не мог голосовать, по той простой причине, что я, как член той же редакции, не принимал участия в голосовании по этому предмету.

Если я, выбранный так называемым большинством, не одобряю его теперешнего поведения, то это происходит единственно потому, что это поведение кажется мне неразумным и вредным. Тов. Лядов думает, может быть, что я не имею права поступать по своему убеждению и обязан всякий раз справляться, как подумают товарищи, голосовавшие за меня на съезде? Если да, то мне нетрудно было бы показать, что сей странный «централист» очень ошибается. А что он действительно так думает, это я могу предполагать ввиду его ссылки на то, что он подал за меня свой голос. Но это обстоятельство нисколько не увеличивает его права по отношению ко мне: за кого бы ни голосовал он на съезде, эти его права не больше и не меньше прав на меня всех других членов нашей партии.

Довольно! Тверской комитет видит, что мы не отказываемся печатать произведения литературных выразителей так называемого большинства. Не наша вина, если оные выразители... выражались до сих пор не совсем удачно.

P. S. Насчет мнимого оппортунизма меньшинства я не нахожу нужным спорить с тов. Лядовым: я уже много раз доказывал, что говорить об оппортунизме таких товарищей, как П. Аксельрод,

Мартов, Старовер и т. д., значит не понимать значения этого слова, и если он все-таки лезет с ним, то ясно, что он безнадежен.

Странное дело! У нас стали называть оппортунистами тех, которые не *хотят приспособлять своих взглядов ко взглядам и «ндраву» Ленина*, т. е. тех, которые лишены оппортунизма, желательного для этого маленького Солона³ наизнанку. Тех же, которые отличаются этим оппортунизмом, почему-то называют *твердыми*. И чем больше у них этого оппортунизма, тем более твердыми кажутся они себе и другим. Слова имеют свою судьбу, как и книги! Но тов. Лядов знает, что я не держусь этой странной терминологии: у меня для «твердых», — т. е. собственно для некоторой их части, — есть другое название...

P. P. S. Кроме товарища Лядова мне прислал письмо еще какой-то Нилов. Это лицо мне совершенно неизвестно, так что я не только не знаю, за кого и когда оно голосовало, но мне не известно даже, имело ли оно право голосовать за кого-нибудь из нас, т. е. принадлежит ли оно к нашей партии. Если Лядов допрашивает, то Нилов просто бранится. Наша редакция не сочла себя обязанной помещать на столбцах «Искры» эту брань, которая, ввиду указанного обстоятельства, является как бы анонимной.

Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция

Лучше поздно, чем никогда...

Вопрос об отношении социал-демократической интеллигенции к рабочему классу в той его формулировке, которая интересует нас здесь, представляет собою лишь одну из разновидностей коренного вопроса «философии истории»: вопроса об отношении общественного «*бытия*» к общественному «*мышлению*». В течение всего XIX века этот последний вопрос, можно сказать, не сходил с очереди в общественной науке, ложась в основу даже некоторых *теологических споров*: так, например, знаменитый в свое время спор между Штраусом и Бруно Бауэром¹ о происхождении евангельских